

Степан Андреевич Пестанов — житель города Выборга, бывший фронтовик. В годы Великой Отечественной войны он служил в политотделе 272-ой ордена Красного Знамени и ордена Кутузова Свирско-Померанской стрелковой дивизии. Бойцы этой славной дивизии вели кровопролитные бои на Петрозаводском направлении, высаживались десантом на юго-восточном берегу Ладожского озера, освобождали Питкяранту, После выхода Финляндии из войны 272 дивизия сражалась на польской земле и закончила войну в Германии. При форсировании Свири за отвагу, мужество и подвига тысячи бойцов и офицеров были награждены орденами и медалями, а 11 человек были удостоены звания Героя Советского Союза. Сейчас С. А. Пестанов подготовил к печати книгу «На Олонецкой земле». Отрывки из нее мы предлагаем нашим читателям.

1. Видлица-Погранкондуши

Наша дивизия наступает по местам, политым кровью ленинградских ополченцев 3-й дивизии народного ополчения и матросов 3-й бригады морской пехоты Краснознаменной Балтики. Это было ровно три года тому назад. Тогда мы сдерживали наступление фашистских полчищ. Теперь мы наступаем и гоним оккупантов со своей земли.

Сегодня, 26 июня, вечером Москва оповестила не весь мир об освобождении Олонца. А в эту белую июньскую ночь на берегах Тулоксы произошло еще одно радостное событие: наш левофланговый сосед — 114 стрелковая дивизия соединилась с десантом морской пехоты 3-й и 70-й морских бригад, так много сделавших для разгрома армии противнике между Ладожским и Онежским озерами.

После короткой схватки 272 стрелковая дивизия форсировала Тулоксу в районе железнодорожного моста и, не задерживаясь, пошла на Видлицу. Полковник Зайцев посадил свою пехоту на подошедшие танки и самоходки и в течение дня, 27 июня, освободил несколько населенных пунктов и вышел на реку Видлицу.

Завязались упорные бои. Только вечером следующего див Москва сообщила, что «части Н-ского соединения форсировали реку Видлицу и умелым обходным маневром овладели опорным пунктом финнов — Видлицей. Финны отошли на старую советско-финскую границу. Деревню Погранкондуши и прилегающие к ней высоты они превратили в неприступную крепость. Наступление на Погранкондуши велось силами двух наших полков и подвижного отряда капитана Грицяя и бригад морской пехоты.

Подвижной отряд должен был, опираясь на своего левого соседа — 70-ю морскую бригаду, обойти правый фланг противника и перехватить дорогу Видлица—Салми.

Майя вызвал начальник политотделе и сказал:

— Сходи на командный пункт напигана Грицай, проследи за действиями бойцов и командиров и дай обстоятельное донесение.

Я взял автомат, две гранаты, положил а карман на всякий случай пару индивидуальных пакетов и пошел. Раза два или три меня обдавало горячим воздухом взрывной волны. Все же я добрался до командного пункта отряда. Ни заместителя по политчасти, ни самого командира на КП не было. Они находились на наблюдательном пункте. Я решил пойти туда.

— Не советую. — сказал начальник штаба отряда. — Подожди до вечера.

— А если мне надо быть там?

— Тогда иди. Только смотри осторожно. Вся дорожка противником просматривается. Снайперы бьют.

Где бегом, где ползком, но все же добрался я до КП.

— Ты что с ума сошел? — набросился на меня Грицай. — Зачем пришел?

Я рассказал, в чем дело.

— Замполит где-то там, — он показал мне на сопку, утонувшую в дыму. — Попробуй обойди, когда сволочи засели в бетоне и камнях и бьют. Носа высунуть не дают.

День выдался ясный, безоблачный. Штаб дивизии вызвал авиацию. Нагрязнули «Илы и начали штурмовать опорные пункты. Они долго не покидали небо. Противник притих. Реже стали бить артиллерия, замолкли минометы, не слышно автоматов. Наши саперы пошли проделывать проходы в минных полях. Отряд рванулся вперед, но метров через 150—200 бойцы залегли. Не продвинулся в этот день и 1063 полк подполковника Купцова.

Тогда наши артиллеристы выкатили свои орудия на открытые позиции и стали бить прямой наводкой. Иначе врага не выкурить из блиндажей и дзотов.

Бои за Погранкондуши приняли затяжной характер. Хотя значительная часть огневых точек на склоне сопки была разрушена артиллерией и авиацией, однако оставшиеся огневые точки приходилось блокировать и уничтожать штурмовыми группами.

Вечером 30 июня поступил приказ Верховного главнокомандующего и в подразделениях всюду шла читка: «Войска Карельского фронта в результате глубокого маневра на окружение с высадкой десанта на западном побережье Онежского озера, освободили от немецких захватчиков столицу Карело-Финской республики — город Петрозаводск».

1 июля один из батальонов 1065-го полка потеснил противника и вышел на реку Майналанйоки, но захватить плацдарм на западном берегу не удалось. Полковник Зайцев вводит в бой 2-й стрелковый батальон старшего лейтенанта Катаева. Стрелки форсировали водный рубеж, стали продвигаться на деревню Мюлляри.

Беспрерывный огонь артиллерии сокрушил оборону противника. За последним залпом артиллерии пошла пехота, обученная безбоязненно идти за разрывами своих снарядов. Короткими перебежками и ползком грицаевцы подбирались к опорным пунктам и вышибли шюцкоровцев.

Одно из подразделений 1065-го полка попало под огонь пулемета и залегло. Попытки подавить огонь не давали результатов. Тогда рядовой Асеев процедил сквозь зубы:

- Сейчас он у меня замолчит...

И пополз к дзоту. Мы наблюдали, как он, прижимаясь к земле, полз между кустами и камнями. Вот уже осталось около шестидесяти метров, сорок, двадцать — он преодолел проволочные заграждения и... взмах руки, граната летит в амбразуру. Пулемет замолк.

В тот же день Алексей Асеев был ранен, но отказался идти в санбат, а сел на танк. Танкист, не закрывая люка, уничтожая цели и утюжил окопы. Асеев добивал вражеских солдат из своего автомата и глушил гранатами. Когда пришла сюда пехота, она увидела около тридцати трупов вражеских солдат.

Алексею Александровичу Асееву было присвоено звание Героя Советского Союза. В этом бою, презирая смерть, проявил мужество старший сержант пулеметной роты Долгушичев. Рота попала под минометный огонь и залегла. Противник перешел в контратаку. На левом фланге замолк пулемет. Раненый Долгушичев пополз к пулемету. Пулеметчик был убит. Старший сержант Долгушичев ложится за пулемет и метким прицельным огнем стал косить вражескую пехоту. Вблизи пулемета разорвалась мина, пулемет опять замолчал.

Его считали убитым, забрали документы и сдали в штаб. Думали, что Долгушичев погиб. Но каково было мое удивление, когда летом 1969 года, будучи в Олонце, я прочитал письмо бывшего старшего сержанта 1065-го стрелкового полка Петра Николаевича Долгушичева в районной газете «Олонецкая правда». Вот что он писал:

«Я был ранен 30 июня. Меня подобрала 1 июля, когда стали убирать убитых. Осколком разбило мне правую ногу и левую половину груди. Я потерял много крови и был без сознания. Но солдаты заметили во мне признаки жизни и отправили в Олонец. В госпитали я пролежал 5 месяцев и выздоровел».

Как только зашли за Видлицу, рельеф местности заметно изменился. Чаще встречаются нагромождения камней, виднеются облизанные дождями и ветром скалы.

В битве за Видлицу и Погранкондуши мы нанесли противнику непоправимые потери в боевой и живой силе, но и сами не досчитались очень многих своих боевых товарищей. Не стало младших командиров Дубровенко и Аварина, старшины Семенова, Гладилкина, Никонова, Герасимова, Заягинцова, бесстрашного артиллериста Бугина и многих других. Большие потери в живой силе вынудили командира 6-го армейского корпуса финнов генерала Эш вводить в бой свои последние резервы. Он делал все, лишь бы задержать наступление наших войск и не дать возможности приблизиться им к государственной границе.

В наши руки попало много писем, взятых у убитых, и показания пленных. Они дают довольно полную картину положения не только на фронте, но и в тылу. «На Свири в нашем отдельном егерском батальоне было более 750 человек, — рассказывал пленный солдат 1-го егерского батальона Халтунен. — Около половины людей он потерял за время боев, да дезертировало больше 70 человек. После Видлицких боев в нашей роте осталось 23 человека. В бою за Видлицу первым убежал с поля боя сам командир батальона майор Тийтола. А панику подняла 11 рота 2-го пехотного полка. Она без приказа отступила».

«Когда мы были на Свири, — пишет сержант Антикусинен, — в нашей роте насчитывалось около 140 человек, а после Видлицы осталось не более 80. Многие дезертировали по дороге в Видлицу. Человек 30 поймали в Погранкондушах и направили в бой, но многие опять сбежали».

Солдаты 15 финской пехотной бригады Ээро Лехтинен, Ууко Экколин и Фильберг Бруно писали: «Мы втроем тоже бежали. Нас поймали в Питкяранте и вернули на позицию, где мы сдались в плен».

А вот что пишет мать своему сыну лейтенанту Колаанену: «Только что сообщили о наступлении русских на Свири. Как мы тут беспокоимся о вас. Скорей бы заключили мир.

Какое у вас там настроение? Отступайте, пока вас русские не окружили. Господи, спаси нас от этого.

2.Салми

Мы наступаем на Салми. Все дороги, тропы, дома и даже колодцы заминированы. Каждая сопка, каждый хутор, каждый куст грозит смертью. Наш 555 саперный батальон майора Суворова и саперы полков не знают отдыха, и все время идут рядом со смертью, прокладывая путь пехоте и артиллерии. Достаточно сказать, что только от Погранкондуш до Салми обезврежено свыше 3000 мин. Вместе с саперами идут автоматчики и артиллеристы. «Сорокопятки» прямой наводкой расстреливают огневые точки. Покончив с одной, артиллеристы двигают свою пушку дальше и снова — огонь по амбразуре! Так метр за метром, шаг за шагом приходится пробивать себе дорогу. Идет наступление на деревушку Милляри. До крайних домов осталось не больше 200 метров. Из укрытия, как из рога изобилия, сыплются на нас трассирующие, зажигательные, бронебойные пули. Командир роты получил донесение: «Слева за сараями готовятся к атаке до роты солдат противника». Командир роты смотрит на прославленного командира орудия 815 артполка Маричева.

Атакуем, товарищ Маричев?

Тот, закоптелый, с воспаленными от недосыпания глазами, улыбается:

— Сейчас подбросим огонька. Шрапнель!

Один за другим летят снаряды в стан врага. Корректировщик кричит:

— Так их. Побежали сволочи! Вокруг орудия стали рваться

снаряды. Ранен наводчик Серажелдинов, вышел из строя ефрейтор Юленкин. Маричев один ведет огонь по амбразурам. Две пушки и тяжелый пулемет врага замолчали.

Не доходя Салми, дивизия попала в какой-то лабиринт рек и речек: Тулен-оя, Эйя-йоки, Мийналан-йоки, Пейкола-оя, Эйя-йоки. Все они являлись неплохой преградой на подступах к населенным пунктам Ряймьяля, Тамила, Перо и Мийнвле. 4 июля они были освобождены.

За рекой Эйя-йоки попытка сходу атаковать деревню Пибру и Лахторанта успеха не имела. Все места возможного сосредоточения наших войск заранее были пристреляны, а дороги минированы.

Нл Ладожском озере острова Лункулансаари и Мантсинсаари протяженностью 15—17 километров отделялись от берега узкой полоской залива Лунколан-лахти. На островах засели финские части и сильно беспокоили наш левый фланг. Выбивать финских лахтарей подключились подразделения 114-й стрелковой дивизии, а 272-я дивизия, оставив для лобовой атаки один усиленный батальон 1065-го стрелкового полка капитана Морозова, двинулась в обход Салми с севера.

В это же время несколькими километрами ниже, в районе ГЭС Сяхколампи, преодолев реку полк Зайцева тоже вышел ие дорогу и стал теснить противника.

Финны не ожидали обходе и боясь, что наши войска могут перехватить дорогу на Питкяранту и, стараясь выбраться из котла стали оттягивать технику и живую силу. Батальон капитана Морозова уже вел уличные бои на восточном берегу реки. После 15-минутного артналета он качал форсировать Тулема-йоки в районе моста. Враг оказывал яростное сопротивление.

— Берегите мост! — предупреждал Морозов. — Ом нам нужен больше чем финнам. Спасать мост он посылает командира пулеметного отделения сержанта Сивцова. Сержант нашел лодку и незаметно перебрался на островок, находящийся у самого берега противника. На маленьком островке, под носом у врага, начала бой отважная шестерка отделения сержанта Сивцова. Ведя фланговый огонь из пулемета и автоматов, Сивцов не только спас мост, но и обеспечил переправу батальона. Подошедшие танки, «катюши» и сорокопятки включились в бой. Салми освобожден. Путь на Питкяранту открыт. 5 июля радио сообщило, что наши войска освободили районный центр Карело-Финской республики Салми.

Вот уже две недели наступаем без сна и отдыха. Надо бы дать передохнуть денек-другой, но задерживаться и на час нельзя. Не возьмем населенный пункт сегодня, завтра вырывать его у противника будет гораздо труднее. Только вперед!

Люди устали. Я был свидетелем, когда после боя за Салми у солдат отхлынуло боевое напряжение, они на какое-то время ослабли и попадали на землю. Капитан Морозов сел писать донесение, но так и уснул с карандашом в руке, успев написать только несколько слов.

Но усталость — это не только физическая усталость людей. В это понятие входит и снижение наступательных возможностей вообще соединений, включая штабы и тылы.

3. Питкяранта

К наступательной операции на Питкяранту штаб дивизии и штабы полков провели очень тщательную подготовку. Однако полки дивизии не были пополнены личным составом и мы продолжали двигаться черепашьими темпами по 5-6 километров в среднем за сутки. Не будь этого нагромождения камней, скал, завалов, болот и водных преград — задача могла бы решиться проще и легче. Сильно пересеченная местность, минированные дороги сковывали маневренность артиллерии и танков.

Мы подходили к крупному населенному пункту Усикюля. Слева — Ладога, справа — болото Тайвим-суо, а за ним пошли болота: Мянъярон-суо, Сури-суо. Все это напоминает нам Сармягское болото и, конечно, пугает. Между болотами есть покрытая лесом бровка. По ней мы и решили совершить обход левого фланга противника. Шагают солдаты молча, гуськом. Какие разговоры, если ноги еле тащатся. Только стали выходить на лесную дорожку, на нас обрушился шквал огня и металла. Казалось, что каждое дерево, каждый валун имеет миномет или автомат, направленным на нас. Один из бойцов рукой стал показывать нам в сторону скалы. За скалой, притаившись, готовые к прыжку, сидели больше десятка шюцкоровцев. Пулеметчик тут же выполз из-за камня и тремя короткими очередями уложил их.

Мы вышли на шоссе к деревне Юляристиоя. Саперы обшарили дома, разминировали двухэтажное здание школы и стали носить туда раненых. К вечеру подошел медсанбат и

расположился в школе.

Чем ближе мы подходили к Питкяранте, тем ожесточеннее становились бои. Сражения не утихали ни днем, ни ночью. Пехота вынуждена обходить населенные пункты и узлы сопротивления и теснить врага от рубежа к рубежу.

Капитану Грицаю было приказано выбить противника и овладеть сильно укрепленной высотой. Но противник неожиданно открыл огонь из всех имевшихся в его распоряжении стволов артиллерии, минометов.

Пришлось нашей артиллерии раньше времени ввязаться в бой. Дуэль продолжалась минут двадцать-тридцать.

Грицай повел отряд в атаку. Бойцы преодолели проволочные заграждения и ворвались а первую траншею врага.

Вторая траншея находилась в 200 метрах от первой на опушке леса. Враг не мог смириться с потерей первой траншеи и стал забрасывать отряд мелкокалиберными минами и засыпать градом пуль. Когда обстрел из минометов прекратился и шюцкоровцы поднялись а атаку, дружный огонь наших солдат погнал их обратно в траншеи. И снова враг пустил в ход минометы. Тогда Грицай принимает решение — ворваться во вторую траншею.

— Приготовиться и атаке! — крикнул он.

Сержант Сергеев со своими пулеметчиками пополз в обход левого фланга противника, чтобы шквальным огнем прикрывать наступление отряда.

Борьба за траншею продолжалась около часа. Впервые за все время боев егеря так яростно дрались.

В этом бою Грицай получил тяжелое ранение на передовой позиции, и медсестра сделала все, чтобы спасти командира. Грицай лежал в забытьи, с полуоткрытыми глазами. Лицо бледное, с синеватыми пятнами. После укола он открыл глаза, спросил сестру:

— Все вышли!

— Вам нельзя разговаривать.

— все, товарищ командир подвижного отряда, — ответил стоявший рядом сержант. Он назвал Грицаю не по званию, а по должности, как бы подчеркивая, что капитанов в дивизии много, а командир подвижного отряда один.

— Много полегло, — он тяжело вздохнул. — Не дожили до победы... все горит внутри... Это были его последние слова...

1061 стрелковый полк готовился к прорыву сильно укрепленного участка обороны противника на подступах к Питкяранте. Прибыли мы с инструктором политотдела дивизии капитаном Лузаем в штаб полка поздно ночью.

Часа в два ночи, захватив командира полка по политчасти, майор Есипов взял ординарца и мы вчетвером пошли на передний край. Мы не спеша шли по лесной дорожке. В редком сосновом лесу наткнулись на артиллерийские позиции. Все, кроме часовых, спали перед боем. Ни единого выстрела. Даже трудно было подумать, что вот сейчас орудийный грохот спугнет лесную тишину и... над нашими головами с воем полетели снаряды. Они упали где-то в нескольких метрах от нас. Мы оросились кто куда. Рядом, в трех метрах, разорвался снаряд, мое лицо обжег горячий воздух.

Смотрю, на земле лежит капитан Лузай. Он держится за живот руками и кричит: Братцы, помогите!

Я склонился над ним. Лицо его было бледным, глазе закрыты, Я расстегнул ремень и

поднял гимнастерку. Оттуда выпирал огромный пучок голубоватых кишек. Достал большой индивидуальный пакет, стал помогать ему. Оказывается, не так просто. Кое-как обмотал живот бинтом. Пока я бинтовал, Лузай что-то говорил, но я был оглушен и плохо слышал. Видя, что он разговаривает я попросил его говорить погромче. Он провел языком по сухим побелевшим губам, напрягся:

— Возьми в кармане гимнастерки фотографии и адрес, — он передохнул. — Пошли в Ярославль Соне.

Он что-то еще говорил, но я не расслышал. Подошел Есипов. На его рябоватом лице пятна крови. На руке ссадина. Плащ-палатка вся как изжеванная от града мелких камней. Сюда принесли ординарца с разрубленным осколком виском. Подошли артиллеристы с носилками и Мишу Лузая понесли в медсанбат. Михаила положили на операционный стол. Там он и умер.

Тихий безоблачный денек выдался 10 июля, но уже около 10 часов утра над Питкярантой появилось густое облако дыма. Сжимая клещами вражескую группировку, наши подразделения вели бои на северных подступах к городу. Атаки пехотинцев поддерживали артиллеристы; танкисты и летчики.

Хорошо понимая, что затяжные бои приведут к разрушению города и ненужным потерям, было решено не разрушать Питкяранту, а обойти с севера и заставить противника под угрозой окружения уйти из города. Противник и сам хорошо понимал, что никакая, даже очень сильная оборона не остановит советские войска.

К половине дня мы все еще не могли прорвать Питкярантский рубеж. На небольшом участке сосредоточилось с двух сторон столько войск и огневых средств, что казалось — Питкяранта от грохота разрывов бомб, снарядов, мин и гранат развалится, как карточный домик.

Генерал Эш делал все, чтобы сласти остатки разгромленного 6-го армейского корпуса. Наши части с двух сторон ворвались в город. Завязались упорные уличные бои. Судьба города была предрешена, и все же маннергеймовцы отчаянно сопротивлялись, пытаясь удержать Питкяранту.

В довольно трудном положении оказался полк Зайцева. Он наступал с северо-запада. Батальоны капитана Морозова и майора Красножора попали под сильный обстрел фашистов. Им на помощь пришла наша штурмовая авиация. Вслед за авиацией туда направили свой огонь, гвардейские минометы. После этого фашисты притихли.

Теперь центром кровопролитного сражения стала площадь у кирки и около моста на остров Пусунсаари. Все каменные здания и подвалы домов заранее были превращены в опорные пункты. Выжить оттуда фашистов можно было бы только гранатой, штыком или орудиями прямой наводки. Но разрушать целлюлозно-бумажный комбинат и другие здания не хотелось. В это время полк Зайцева продолжал наступать. Боясь, что будет перерезана единственная дорога на Суоярви и Ляскеля, финны стали бросать свою технику и отходить.

Полки 272 стрелковой дивизии блестяще выполнили поставленную задачу и спасли город от разрушения.

На западной окраине Питкяранты еще вечером продолжались горячие бои, а над городом из мощных репродукторов штабной машины неся голос Москвы - Совинформбюро передавало сводку о победе наших войск, штурмом овладевших Питкярантой.

С.Пестанов, Новая Ладога, 1974 год.

Примечания:

1. К сожалению, С. А. Пестанов так, по-видимому и не издал книгу "На Олонецкой земле", зато издал книгу ["Солдаты морской пехоты"](#)

2.Эпизод с **Грицаем** нужно переставить в конец, т.к. он погиб 15 июля уже после штурма Питкяранты. Наличие нескольких финских траншей через 200 метров как бы намекает, что это случилось у Ниет-ярви.

3. Лузай, похоже, был Александр Михайлович, гв.капитан, погиб 14 июля, т.е.тоже после штурма , похоронен с Грицаем в могиле на ул.Горького в Питкяранте